

Лушников А. А.

Происхождение сюжета об «этапах идолопоклонства» в древнерусской учительной литературе

В ряде древнерусских литературных источниках – «Речь Философа» в «Повести временных лет», «Слово святого отца нашего Иоанна Златоуста о том како первое погани веровали в идолы и требы им клали, имена им нарекали» (далее – «Слово святого Иоанна Златоуста») и «Слово святого Григория изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят», (далее – «Слово святого Григория») – содержатся интересные сюжеты, где перечислены своеобразные «этапы идолопоклонства». Последние якобы показывают «язычество» в своем развитии. Так, в «Речи Философа» читаем: «Посемь же дьявол в большее прельщенье вверже человеки, и начаша кумиры творити, ови древяны. ови медяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены, и кланяхуся им, и привожаху сыны своя дыщери. и заклаху прид ними, и бе вся земля осквернена»¹. Сходный нарратив содержится в «Слове святого Иоанна Златоуста»: «человечи забывшее страха божия небрежением и крещения отвергоша, и приступиша к идолом, и начаша жрети молнии и грому, и солнцу и луне. А друзии перену, хоурсу, вилам и мокоши, оупирем и берегиням, их же нарицают тридесять сестрениц, а инии в сварожица вероуют и в артемиду, имже невеглаши человекчи молятся и куры им режут»². Наиболее известен текст из «Слова святого Григория»: «и ти начаша требы класти роду и рожаницам, преже перуна бога их, а преже того клади требу оупирем и берегиням»³.

Данные сюжеты стали основой для многочисленных реконструкций «славянского язычества», но получили неоднозначную оценку в историографии. Е. В. Аничков, проанализировав текст «Слово об идолах», полагал, что данный текст – позднейшая вставка, а источник представления об «этапах» язычества видел в «Речи Философа», которая находилась уже в гипотетическом Древнейшем своде: «Откуда такая осведомленность о глубокой древности? По самой сути дела, она предполагает знакомство с каким-нибудь историческим трудом. Таким и была летопись. Именно оттуда почерпнуто приведенное сведение о преемственности культов. В Древнейшем своде находилась длинная Речь Философа

¹ Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3 // ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 91–92.

² Ранний список данного произведения находится в составе Трифоновского сборника (XIV в.): ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1262. Л. 12–13. Традиционно датируется домонгольским периодом (Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913. С. 56). Хотя подобный вывод и был сделана только на основе содержания (упоминаемых божеств, обрядов и т. д.), что не представляется надежным, у нас нет оснований приписывать этот источник более позднему времени.

³ Ранний список данного произведения находится в составе Паисиевскому сборнику (начало XV в.): ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4 /1081. Л. 40–43. Традиционно также относится к домонгольскому периоду: Гальковский Н. М. Указ соч.

Владимиру, излагавшая историю мироздания... Отсюда можно было заключить, что и у нас культ богов возник позднее. Начальный свод это место развил; он давал еще справку и о полянах, и они “бяху же погани, жьруще озером, владязем и рощением”. И отсюда богов приписывал только одному Владимиру. Замена в нашем тексте озер, рек или колодцев берегинями вполне естественна. Наш автор тут ведь не списывал. А передавал известную мысль»⁴.

Н. М. Гальковский, опубликовав известный сборник антиязыческих произведений, рассмотрел ряд сюжетов, связанных с упоминанием мифологических персонажей в обоих сочинениях, однако напрямую вопрос о происхождении нарратива об «этапах идолопоклонства» не ставил. Указав на греческие и иные источники “Слова святого Григория” и “Слова святого Иоанна Златоуста», он лаконично отметил, что в первом были введены аутентичные элементы в передаваемое “Слово Григория Богослова на Богоявление” (“род, рожаницы и вилы”), а во втором – “отразились некоторые черты современной составителю действительности»⁵.

Гораздо больший интерес к указанному сюжету существовал в советской историографии с 1930-х гг., когда была сделана попытка согласовать сведения источников с формационным подходом и эволюционной теорией развития религии – соответственно, «этапы идолопоклонства» были истолкованы в духе эволюции религии от простейших форм в первобытном обществе (культ стихий, а также «упырей» и «берегинь») до культа классового общества (от культа «Рода»⁶ до культа Перуна), что, однако, якобы было отмечено на основе прямого исследования и наблюдения авторами самих авторов средневековой литературы. Особенно в этом плане ценились «свидетельства» составителя «Слова святого Григория». Уже у Б. Д. Грекова читаем: «В “Слове о том, како первое погани сущее, языци кланялися идолом” есть указания и на более ранний этап славянской религии... Сначала тотемическое почитание упырей и берегинь, затем бога Рода и Рожаниц, и уже позднее появляется Перун»⁷. Наиболее известную до сих пор интерпретацию сюжета в подобном духе проделал Б. А. Рыбаков, считавший его **оригинальным** плодом деятельности самого автора «Слова святого Григория». Толкование интеллектуального труда последнего, однако, приобретает романтический ореол: «Уже древнерусские книжники XI–XII вв., писавшие о язычестве, окружавшем их, пытались заглянуть в историю славянских верований и показать различные стадии их в глубокой древности... периодизация... самостоятельна и не приноровлена ни к библейским, ни к византийским сказаниям... хронологическая система... оригинальна и независима от других источников»⁸. Заметим, что Б. А. Рыбаков, в отличие от Е. В. Аничкова, проводил различие между сюжетами развития язычества по «Речи Философа» и по «Слову святого Григория» – именно последнее сочинение выступало у него в роли оригинального источника. Что касается «Слова святого Иоанна Златоуста», то его академик считал более поздним текстом.

⁴ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. М., 2009. С. 293–294.

⁵ Гальковский Н. М. Указ соч. С. 17–35, 55.

⁶ Написание мифологического персонажа «Род / род» зависит от интерпретации его исследователями (верховный бог, домашний дух и т. д.).

⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2006. С. 471.

⁸ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1994. С. 8, 16.

В современной историографии такая «доверчивость» к «средневековой периодизации» подверглась критике. Л. С. Клейн отмечает невозможность знания средневековым книжником всех этапов развития язычества: «С методической точки зрения построение академика Грекова (как и его последователя) отдает странной наивностью. Он с полным доверием отнесся к периодизации древнерусского церковного книжника, преклонившись перед авторитетом древности и совершенно не задумываясь о том, откуда этот средневековый автор мог узнать факты, необходимые для такой периодизации, да и мог ли вообще узнать их – во времена, когда самая память о языческих богах и культах беспощадно истреблялась»⁹. Исследователь делает также интересное предположение, по которому автор «Слова святого Григория» расположил мифологических персонажей по степени их приближенности к Богу: «Скорее всего он просто расположил языческие образы в ряд по степени их приближенности к христианскому богу: сначала низшие духи (упыри и берегини), потом демоны среднего разряда или второстепенные боги (Род и Рожаницы) и, наконец, Перун, верховный бог. Действительная эволюция религии так идти могла, но шла ли? Это остается, по крайней мере, недоказанным»¹⁰.

Сходная позиция и у В. Я. Петрухина, указавшего на то, что, с одной стороны, «периодизация» по «Слову святого Григория» противоречит исторической реальности («культ Перуна намного древнее Древнерусского государства, а «культ» упырей надолго это государство пережил»¹¹), с другой стороны, эта книжная схема была основана на византийской традиции обличения, поэтому исследователь со ссылкой на специальные исследования Н. И. Зубова¹² толковал ее как отражение цепи «порождений» языческих божеств (Перун – как «порождение» «рожаниц»): «В древнерусском «Слове» сменяющие друг друга языческие божества оказываются связанными цепью «порождений», и это «учение» («слово») было передано славянам»¹³.

Тем не менее, несмотря на указанные выводы Е. В. Аничкова, как в советской, так и в современной историографии подобная «периодизация» рассматривается только по «Слову Григория об идолах» и, как правило, параллели между этим произведением, «Речью Философа» и «Словом Иоанна Златоуста» не проводятся. Вместе с этим нерешенным остается вопрос – каково происхождение указанного сюжета? Был ли он результатом оригинального труда книжников, в какой мере он может быть использован в качестве реконструкции истории самого язычества?

Сравнительный анализ древнерусских и западноевропейских литературных источников показывает, что «периодизация язычества» не была присуща лишь книжникам древней Руси; более того, подобные нарративы – неотъемлемая черта христианской антиязыческой литературы Средневековья. Так, в За-

⁹ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 52–53.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религии // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000. С. 236.

¹² Зубов Н. М. О периодизации славянского язычества в древнерусских списках «Слова святого Григория...о том, како первое погани суще языци кланялися идолом» // Живая старина. 1998. № 1. С. 8–10.

¹³ Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 236.

падной Европе одним из основных дидактических шаблонов истории идолопоклонства стало «De correctione rusticorum» Мартина Брагского, где автор выводит основные этапы в развитии язычества: 1) время после потопа, когда люди забыли истинного Бога и стали поклоняться твари вместо Творцу – стихиям и небесным объектам, 2) появление идолов – как результат принятия бесами личности людей, которые впоследствии прославились своими грехами, но которыми стали объектами поклонения, 3) дальнейшее развитие язычества, появление языческого искусства – статуй, храмов¹⁴. Такая «схема» имела двойкий характер: с одной стороны, это была книжная конструкция, с другой стороны, она имела *практический характер* в VI – VIII вв. – без особых изменений (в основном даже без замены имен божеств) была использована в проповедях на территории Франкского королевства во время миссий среди языческих и «полуязыческих» народов и включена в крупнейшие гомилярии¹⁵. Позже, в X в., ею воспользовался англо-саксонский книжник Эльфрик Грамматик при составлении трактата «О ложных богах», направленного против язычников-скандинавов. Сюда же, однако, были включены и некоторые аутентичные элементы – (имена скандинавских божеств Один, Тор, Фригг), которые были другие имена суть тем же бесам, принявшим на себя человеческий облик (и о которых Мартин Брагский писал под именами Юпитер, Меркурий, Венера): «Жил человек по имени Меркурий, он был очень великий и коварный и любил воровство и обман. Язычники сделали из него великого бога и воздавали ему почести на перекрестках и совершали ему жертвоприношения на высоких горах. Этот бог очень чтим язычниками, и он датчане называют его Одним. Также датчане утверждают в своей ереси, что Юпитер, которого они называют Тором, был сыном Меркурия, которого они называют Одним...Они установили шестой день в честь бесстыжей богини по имени Венера, которую датчане называют Фригг»¹⁶.

Общий источник всех указанных периодизаций мы находим в Новом Завете – Послании Павла к римлянам. В нем апостол обращается к *новообращенным* представителям христианской общины Рима с целью прояснить ряд аспектов вероучения и утвердить *колеблющихся* в вере¹⁷, здесь же читаем исходный текст о *служении язычниками твари вместо Творца*: «Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благоденствует во веки, аминь» (Рим. 1:18–25).

¹⁴ The Fathers of the Church. Iberian Fathers. Washington, 1969. Vol.1. P. 71–86.

¹⁵ Проповеди Мартина Брагского легли в основу поучения для духовенства епископа Пирмина, проповедовавшего в Алемании (VIII в.), «Codex Homiliarium» епископа Буркхарда Вюрцбургского (VIII в.) и др. (Capsari C. P. Kirchenhistorische Anecdota. Christiana, 1883. Bd. I. Lateinische Schrifte. Die Texte und die Anmerkungen. P. 149–193; Ianne Georgio ab Ekhart. Commentarii De Rebus Franciae Orientalis Et Episcopatus Wirceburgensis, Wirceburgi, 1729. T. 1. P. 837–843).

¹⁶ *Homilies of Aelfric*. A Supplementary collection. London, New York, Toronto, 1968. Vol. 2. P. 669.

¹⁷ См., напр.: Лопухин А. П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. СПб., 1902. Т. 10. С. 391–397.

Далее в том же послании – *основа сюжета о грехах*, которые, однако, еще не были прямо связаны с идолопоклонством, храмами и статуями: «Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют» (Рим. 1:26–32).

Сюжет о поклонении твари вместо Творца получил дальнейшее толкование в христианской апологетике, наиболее значимым трудом для нас в которой является 2-е слово «О богословии» Григория Богослова, который развил понятие «умствования» язычников до неспособности человеческой природы самостоятельно познать истинного Бога вообще: «Поскольку всякая разумная природа, хотя стремится к Богу и к первопричине, однако же не может постигнуть ее...то... пускается она в новое плавание, чтоб или обратить взор на видимое и из этого сделать что-нибудь богом... От сего-то стали поклоняться: кто солнцу, кто луне, кто множеству звезд, кто самому небу вместе со светилами,... а кто стихиям: земле, воде, воздуху, огню»¹⁸.

Кроме того, Григорий Богослов подобным образом объясняет происхождение идолов от обожествления великих людей прошлого и связывая их с различными грехами (т.е. сюжетом из Рим. 1:26–32): «Некоторые стали поклоняться даже живописным изображениям и изваяниям, сперва родных, – и это были люди, без меры предавшиеся горести и чувственности и желавшие памятниками почтить умерших, а потом и чужих, – и это сделали потомки первых, отдаленные от них временем... Но думаю, что иные, желая угодить властителям, прославить силу, изъявить удивление красоте, чтимого ими сделали со временем богом, а в содействие оболъщению присоединилась какая-нибудь баснь. Те же из них, которые были более преданы страстям, признали богами страсти, или как богов стали чувствовать гнев, убийство, похотливость, пьянство, а не знаю, может быть, и еще что-нибудь к сему близкое, потому что в этом находили оправдание собственных грехов»¹⁹.

Как видно из содержания самих текстов, объяснение Григорием Богословом появления идолопоклонства совпадает с антиязыческими учительными текстами как Древней Руси, так и Западной Европы в Средневековье. Наиболее близки к нему Мартин Брагский и неизвестный автор «Слова святого Иоанна Златоуста», также связывавшие «раннее» идолопоклонство с культом стихий.

Тем не менее, вопрос о проникновении подобных идей в «Речь Философа» (и гипотетическое сочинение, легшее в его основу) и, позднее, древнерус-

¹⁸ Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. СПб., 1912. Т. 1. С. 400.

¹⁹ Там же.

ских поучений против язычества, является более сложным. С одной стороны, нам неизвестно ни одного древнерусского или вообще славянского списка сочинения 2-го слова «О богословии». Тем не менее, решение этого противоречия будет понятным, если мы обратимся к одному из главных источников «Речи Философа» и, вероятно, «Слова Иоанна Златоуста» – Хронике Георгия Амартола, славянский перевод которой был осуществлен в X в. Т. Л. Вилкул, рассматривая вопрос о происхождении последнего текста, отмечает, что пассаж о происхождении язычества в «Повести временных лет» есть пересказ соответствующих мест из «Хроники Георгия Амартола» с дополнениями их «Хроники Иоанна Малалы»²⁰. В целом указанный нарратив исследователь называет «размышлениями Георгия Амартола» и выделяет два его элемента, от которых и отталкивался составитель «Речи Философа» – изобретенное Серухом служение идолам из-за людского невежества, а также поклонение природным явлениям и стихиям²¹.

Тем не менее, объяснение у Георгия Амартола происхождения язычества носит синкретический характер. Первую его часть составляет легенда об «изобретении» идолопоклонства прадедом Авраама Серухом, которая органично вписывается в изложение библейской и мировой истории после Вавилонского столпотворения: «Серух же... те перее начать Елиньская оучении о древле бывшим храбром игемоном ли створшимъ что моужьское доброделетелье и помнети до-стоить, их коумирны глаголет: преже ми столпы почти, яко благо некое створ-шимъ. По тех же человеком бывшем, не разоумеша родительство их волею, яко прадеди благом вещем сведетели памят их почтоша и точью благодарю, яко боги обныя чтяхоу и жряхоу им, не же яко человеком мертвом бывшем. их же нечестье Соломон обличая, глаголетъ: преже в мале почышена человека ныня в чести вмениша»²².

Но была ли подобная «версия» только новацией, «размышлением» автора? Григорий Амартол сам пользовался широким кругом источником, в целом его изложение библейской и мировой истории не было оригинальным; одним из таковых его источников являлась своего рода энциклопедия ересей – «Панарион» Епифания Кипрского (IV в.), из которого, по нашему убеждению, была взята данная легенда. Интересно также, что это сочинение было уже отдельно известно на Руси как минимум в XII в. и входило в состав Ефремовской Кормчей одновременного списка²³. В этом источнике все дохристианский религиозные традиции описаны как первоначальные ереси (варварство, скифство, эллинизм, иудаизм).

Появление же «кумирслужения» как такового Епифаний Кипрский относит к периоду после варварства и скифства, связывает его с понятием «эллинизма» и пересказывает упомянутую легенду о Серухе: «Елиньство от лет сероуга начьне коумирслужения, якоже творяхоу каждо тогда по некоему бесобоянню нажительное паче и по обачаю уставы идолы оубо начинающее прилагати к че-

²⁰ Вилкул Т. Л. О происхождении «Речи Философа» // Palaeoslavica. 2012. Vol. XX. № 2. Р. 7–8.

²¹ Там же.

²² Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920. С. 59–60.

²³ ГИМ. Син. № 227.

ловеческою родоу»²⁴. Здесь же в сжатом виде представлено и толкование происхождения самих языческих богов в духе эвгемеризма, соответствующее по сути 2-му «Слову о богословии» и «разбавленное» легендарными подробностями: «Имь же тогда творяхоу боги.... почитаемы яко учителя или волшебники или некыя человек... сих же по летех фары отца авраамия капища есть коумиротворения сказавшее своя прадеды в воображении почитавшая... и преже их оумирая сделавшее от скоудельныя хытрости»²⁵. Интересно при этом, что сама легенда о прадеде Авраама Серухе как «изобретателе» идолопоклонства не содержится в канонических книгах Ветхого Завета. Ее источник располагается в апокрифической «Книге Юбилеев» (II в. до н.э.), свитки которой были распространены еще у членов кумранской общины. Здесь деятельность Серуха связывается с «Уром Халдейским», ставшим своего рода символом идолопоклонства²⁶.

Тем не менее, после пересказа легенды о Серухе Георгий Амартол напрямую вставляет сюжет из 2-го «Слова о богословии» с его этапами идолопоклонства – стихиями и собственно идолами. Т. Л. Вилкул, рассматривая сюжет о «реках и студенцах» делает ссылку на с. 63 издания «Хроники» Георгия Амартола²⁷, однако в том отрывке речь идет лишь о конкретных культах водных источников, распространенных у египтян и индийцев. Вставка из Григория Богослова о «древни человеци» следовала за легендой о Серухе и предваряла конкретные описания языческих религий, в ней читаем: «аще и стоухия начало теленсных състав, теплотоу и *стоуденьство и водоу* и соушю соущество бог нарекоша»²⁸. Соответственно, древнерусский книжник, принимая то, что возведение «воды» в «бога» – характерная черта идолопоклонства, распространил ее и на славян, уподобив их египтянам и индийцам. Сюжет о появлении самих идолов также отталкивается от 2-го «Слова о богословии» с той лишь разницей, что Георгий Амартол развивает этот нарратив и включает в него многочисленные легендарные факты о происхождении античных божеств от людей.

Составитель «Речи Философа» в целом следует «Хронике» и выделяет основные «этапы идолопоклонства» – культ природных объектов и явлений и культ собственно идолов с той лишь разницей, что легенда о Серухе у него не выделена отдельно, а соединяется с сюжетом по 2-му «Слову о богословии» и включена во «второй этап» истории язычества, что, вероятно, казалось составителю более логичным: «началник бо бяше кумиротворенью Серук, творяшеть бо кумиры во имяна мертвых человек, овем бывшимъ царем, другом храбрым и вольхвом и женам прелюбодеицам»²⁹.

Указанные сюжеты нашли свое отражение как в «Слове Иоанна Златоуста», так и в «Слове святого Григория». Первое несомненно ближе ко 2-му «Слову о богословии», а также «Хронике Георгия Амартола»:

²⁴ Там же. Л. 249 об.

²⁵ Там же. Л. 250.

²⁶ Ветхозаветные апокрифы. Книга Еноха. Книга Юбилеев. Заветы двенадцати патриархов. Псалмы Соломона. СПб., 2009. С. 156–157.

²⁷ Вилкул Т. Л. Указ. соч. С. 8.

²⁸ Истрин В. М. Указ соч. С. 60–61.

²⁹ Лаврентьевская летопись. С. 91–92.

2-е «Слово о богословии»	Хроника Георгия Амартола	Слово святого Иоанна Златоуста
<p>поскольку всякая разумная природа, хотя стремится к Богу и к первопричине, однако же не может постигнуть ее...то... пускается она в новое плавание, чтоб или обратить взор на видимое и из этого сделать что-нибудь богом...от сего то стали поклоняться: кто солнцу, кто луне, кто множеству звезд, кто самому небу вместе со светилами...а кто стихиям: земле, воде, воздуху, огню... Некоторые стали поклоняться даже живописным изображениям и изваяниям, сперва родных, – и это были люди, без меры предавшиеся горести и чувственности и желавшие памятниками почитать умерших, а потом и чужих, – и это сделали потомки первых, отдаленные от них временем...Но думаю, что иные, желая угодить властителям, прославить силу, изъявить удивление красоте, чтимого ими сделали со временем богом, а в содействии обольщению присоединилась какая-нибудь баснь³⁰</p>	<p>древни человеци зашедьше в плотское желание и блязны, теми забывъше соущим от бога разоумение славы, видимых бог възьобразиша, славящее тварь паче творьца...домышлением и замышлением своим человеци и чтуть и славоу божию възложиша на небо и на солнце и на лоуноу и на звезды, таче паки, темными домышлении сходящее, на бльскы и на аероу и соущая на аеры богы нарекоша, престоуняще же к злым юще и стоухия начало телесных състав, теплоу и стоуденъство и водоу и сошую сощъство бог нарекоша, служителници же нечистью человекоы овех еще живом соущем, дроугья же и по смерти и богы нарекоша, не точьо на человекеы и на скоты и на гады земныя и вольныя божие имя преложиша, но и на не соущая бьшью видимая сего нечестивыя избравъше показаша³¹</p>	<p>человечи забывшее страха божия небрежением и крещения отвергоша, и приступиша к идолом, и начаша жрети молнии и грому, и солнцу и луне. А друзии перену, хоурсу, вилам и мокоши, оупирем и берегиням, их же нарицают тридесять сестрениц, а инии в сварожица вероуют и в артеиду, имже невеглаши человеци молятся и куры им режут³²</p>

Строго говоря, «Слово святого Иоанна Златоуста» не менее оригинально, чем «Слово святого Григория»³³. «Первый этап» воспроизведен не строго по авторитетным источникам: сделан акцент (вероятно, под влиянием современных автору практик) на гром и молнии, суждения о происхождении идолов от людей

³⁰ Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. С. 400.

³¹ *Истрин В. М.* Указ. соч. С. 60–61.

³² ОР РНБ. Ф. 728. Соф. № 1262. Л. 12.

³³ «Слова Иоанна Златоуста».

заменены перечислением условно «аутентичных» мифологических персонажей, среди которых как «летописные божества», так и «упыри и берегини».

Автор «Слова святого Григория» использует эту же схему, однако понимает ее по-своему. В целом его толкование находит параллели в Рим.1:23:

Рим 1:23	Слово святого Григория
и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся	и ти начаша <i>требы класти роду и рожаницам, прежде перуна бога их</i> , а переже того клади <i>требу оупирем и берегиням</i>

Если «образ, подобный тленному человеку» автор расширил на основании других вышеназванных источников, то «упыри и берегини» (вероятно, специально отобранные) выступили для него олицетворением мерзкого культа животных и насекомых по Новому Завету, который был результатом «умствования» и служения твари вместо Творца. В конечном итоге, для средневекового книжника, как и для предшественников, не имело значения, каким именно объектам поклонялись люди во время ухода в «умствования», было важно показать лишь тщетность и греховность такой деятельности. Сами по себе «упыри и берегини» были включены, конечно, по причине крайне субъективного фактора, а не принципиальных «знаний» книжника о славянской религии в древности. В-первых, вследствие своего общественного положения как христианский церковный деятель он не мог знать подробностей языческих верований, поэтому выбрал на роль «четвероногих и пресмыкающихся» таких мифологических персонажей, которые были у него «на слуху», во-вторых, берегини слились в книжности с распространенным в византийской и древнерусской литературе с образом «сестрениц», а впоследствии в народной мифологии и с образом лихорадок, «дщерей Иродовых»³⁴ – именно этот образ и был «на слуху» у книжника.

Сюжет о «Роде и рожаницах» – своего рода развертывание новозаветной фразы «образ, подобный тленному человеку» – второй этап в развитии язычества, когда появляются собственно идола – боги. Соответственно, эти загадочные мифологические персонажи выступают выражением идолопоклонства вообще, которое было привнесено к славянам извне – и это в определенном смысле не новация древнерусского книжника, а его вывод из исторической схемы Епифания Кипрского и Георгия Амартола:

Епифания Кипрского повесть написанная вскорее о ересь всех	Хроника Георгия Амартола	Слово святого Григория
египтяне же в коупь и вавилоняне и фругняне и финикии таковы идольслужением перви сказателе	Елини оубо, истовою прочьтеше Елиньскы истории, разумеша кое от коуде, и гордаго их	от тех извыкоша халдеи, начаша <i>требы им творити великия</i> , роду и рожаницам, пороженью проклятого бога осири, сего же осириды, скажут книги сороцинь-

³⁴ См., напр.: Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 306–307.

<p>быша капище творением и тайнами от них же первая в елины принесены быша от атичьскася вздрасати и прочее посемь же и последнего о кроне и яреи, дий и аполлон и прочее боги нарекоша³⁵</p>	<p>хоудожства и множайша хытрости от Евреи наоучишася Елины, меры земныя и Егюптяне первее обрыш глаголет, звездословия и родствословиы Халдеиское обретаение глаголется³⁶</p>	<p>ския, яко нелепым проходом проиде, но смердящим, того ради сороцини мыют оход, и болгаре, и теркании и холми, отуду же извыкоша елени класти требы атремиду и артемиде, рекше роду и рожанице, тации же игуптяне, також и до словене доиде се слов, и ти начаша требы класти роду и рожаницам, преже перуна бога их, а переже того клали требу оупирем и берегиням, по святем же крещеньи перуна отринуша³⁷</p>
--	---	---

Наконец, почему в этой схеме появляется Перун? В рамках общей исторической схемы он вполне мог символизировать «венец» идолопоклонства с его языческим искусством – храмами, статуями, изображениями; последнее стало одним из самых распространенных шаблонов в древнерусской литературе, а служение громовержцу – одним из его конкретных проявлений:

2-е «Слово о богословии»	Епифания Кипрского повесть написанная вскоре о ересь всех	Повесть временных лет
<p>Некоторые стали поклоняться даже живописным изображениям и изваяниям, сперва родных, – и это были люди, без меры предавшие горести и чувственности и желавшие памятниками почтить умерших, а потом и чужих³⁸</p>	<p>сих же по летех фары отца авраамия капища есть коумирслужения сказавшее своя прадеды в воображении почитавшая... и преже их оумирая сделавшее от скоудельныя хытрости³⁹</p>	<p>«Речь Философа»: «Посемь же дьявол в болшее прельщенье вверже человеки. и начаша кумиры творити. ови древяны. ови медяны. а друзии мрамаряны. а иные златы и сребрены .и кланяхуся им и привожаху сыны свои дыщри. и заклаху придними⁴⁰ Запись под 980 г.: И нача княжити Володимерь въ Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремнаго Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусь злат⁴¹</p>

³⁵ ГИМ. Син. № 227. Л. 250.

³⁶ *Истрин В. М.* Указ. соч. С. 69.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4 /1081. Л. 42.

³⁸ Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. С. 400.

³⁹ ГИМ. Син. № 227. Л. 250.

⁴⁰ Лаврентьевская летопись. С. 91–92.

⁴¹ Там же. С. 79.

Таким образом, указанные сюжеты, отраженные в «Речи Философа», «Слове святого Иоанна Златоуста» и «Слове святого Григория» не могут рассматриваться в качестве своего рода «исследований». Конечно, они – результат отражения мифологии, но прежде всего не «языческой», а мифологии книжной, созданной по моделям, заданным авторитетными текстами. Аутентичные же элементы, вставленные в тексты, свидетельствуют о том, что отдельные имена, обычаи и т.п. были у книжников «на слуху», но никак не отражали какие-либо реальные исторические этапы развития язычества.

Немаловажно и то, что нарратив «истории идолопоклонства» не является одним лишь результатом рецепции древнерусскими книжниками византийских образцов, но находит свои параллели в западноевропейских поучениях против язычества, а основной его источник – Послание апостола Павла к римлянам, а также в 2-е «Слово о богословии» Григория Богослова.

В целом, восприятие в древнерусской, равно как и западноевропейской, литературе сюжета о служении твари вместо Творца было сложным и неоднозначным. Оригинальная «версия» Григория Богослова – сравнительно утонченная, она предполагает причину служения языческим богам в почестях, воздаваемых людьми памятникам родных, а также статуям властителей, в ходе прославлялись их великими качествами; в то же время отец церкви добавляет, что эти же прославляемые люди по своей природе обладали дурными качествами и были греховны, поэтому стали прославляться и грехи. Авторы поучений Западной Европы и древней Руси сделали подобное толкование более приземленным и понятным для современников, создав новые книжные мифы и легенды. Так, по Мартину Брагскому, зарождение языческих богов – дело рук бесов, которые приняли на себя человеческий облик. Последний, назвав себя Юпитером, Венерой и т. д., стали известны своим греховным поведением и затем заставили людей поклоняться себе как идолам. Как видно, эта «версия» более «грубая», но ее суть остается прежней. Такие же особенности имела и древнерусская литература, которая восприняла, с одной стороны, то же понимание языческих богов как бесов, с другой стороны, ряд легенд – об «изобретении» идолопоклонства Серухом, зафиксированную еще в Книге Юбилеев, а также о заимствовании языческих традиций одними народами от других из Елифания Кипрского и Георгия Амартола. В целом, тексты о «путешествии идолопоклонства» из Древнего Востока к грекам и славянам напоминают историческую схему Эльфрика Грамматика с его одними и теми же бесами-идами у разных народов с разными именами. Это говорит о том, что к сравнительному анализу самих «языческих» мифологий нужно подходить крайне осторожно, так как сходство имели именно исторические схемы, под которые подтягивались отрывочные сведения книжников об идолопоклонстве.

Источники и литература

1. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. М.: Академический проект, 2009.
2. Ветхозаветные апокрифы. Книга Еноха. Книга Юбилеев. Заветы двенадцати патриархов. Псалмы Соломона. СПб.: Амфора, 2009.
3. Вилкул Т. Л. О происхождении «Речи Философа» // Palaeoslavica. 2012. Vol. XX. № 2. С. 1–15.

4. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913.
5. ГИМ. Син. № 227.
6. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: АСТ, 2006.
7. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995.
8. Зубов Н. М. О периодизации славянского язычества в древнерусских списках «Слово святого Григория...о том, како первое погани суще языци кланялися идолом» // Живая старина. 1998. № 1. С. 8–10.
9. Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920.
10. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004.
11. ОР РНБ. Ф. 351. Кир-Бел. № 4 /1081.
12. ОР РНБ. Ф.728. Соф. № 1262.
13. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3 / ПСРЛ. Т.1. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928.
14. Лопухин А. П. Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. СПб., 1902. Т.10.
15. Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религии // Из истории русской культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–402.
16. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994.
17. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. СПб., 1912. Т. 1.
18. Capsari C. P. Kirchenhistorische Anecdota. Christiana, 1883. Bd. I. Lateinische Schrifte. Die Texte und die Anmerkungen. P.149 – 193.
19. *Homilies of Aelfric*. A Supplementary collection. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1968. Vol.2.
20. *Ianne Georgio ab Ekhart*. Commentarii De Rebus Franciae Orientalis Et Episcopatus Wirceburgensis, Wirceburgi, 1729. Т. 1.
21. The Fathers of the Church. Iberian Fathers. Washington: Catholic University of America Press, 1969. Vol. 1.